ДОНСКАЯ КОННАЯ АРТИЛЛЕРІЯ

Мы скучали въ карантинѣ, возвращаясь въ 1829 году изъ турецкаго похода, не то на Прутъ, не то на Днѣстръ и потѣшались, отъ нечего дѣлать, ученьемъ донской конной артиллеріи подъ начальствомъ Кирпичева. Ученье это, въ самой вещи, было дѣломъ потѣшнымъ. Начиналось всегда тѣмъ, что дикіе, застоявшіеся кони кое–какъ еще сносно выѣзжали на позицію и строились; но затѣмъ, едва выждавъ первую команду, прядя ушами, несли врозь, во всѣ стороны: мчались неудержно пушки шестерней, зарядные ящики тройками, мчались по широкому полю на кругахъ, во весь духъ, и только уходившись и упарившись порядкомъ, исподволь смирялись и наконецъ снова выстраивались. Стукъ и грохотъ заглушалъ все, командныхъ словъ не было слышно, да и никто не былъ въ силахъ исполнять ихъ. По окончаніи этого вступленія, все приходило въ порядокъ, снова раздавалась команда «смирно» и начиналось ученье.

Сидя ночью за костромъ, мы шутили надъ этимъ, когда подошелъ къ огню и самъ Кирпичевъ. «Да, господа, смѣйтесь», сказалъ онъ, «а съ этими людьми и лошадьми не пропадешь, только надо быть о двухъ головахъ. Въ прошломъ 1828–мъ году, государь императоръ отправился изъ арміи на два перехода, выславъ впередъ на привалъ дивизіонъ Сѣверскаго конно–егерскаго полка и пол–роты нашей конной артиллеріи, тогда какъ въ конвой съ его величествомъ пошелъ другой дивизіонъ того же полка и другая половина моей конной роты. Выступили на зарѣ при тихой, прекрасной погодѣ. Государь былъ веселъ; кромѣ штаба и полковаго командира, я также присоединился къ конвою. Мѣсто было безопасное; государь приказалъ вызвать пѣсенниковъ, сперва конныхъ егерей, а потомъ, на смѣну имъ, казаковъ. Прошли уже половину перехода; тогда государь сказалъ:

— «Тутъ кажется дойдемъ и безъ конвоя, до привала должно быть не далеко», и, оборотясь, сказалъ «спасибо»,

и коннымъ егерямъ и намъ, и приказалъ отпустить конвой.

Услыша за собою топотъ, государь оглянулся, и, увидавъ меня, спросилъ: «Куда–жъ вы?»

Я отвѣчалъ, что моя полурота впереди, на привалѣ, и потому прошу его величество дозволить мнѣ остаться.

Прошло нѣсколько минутъ или болѣе, какъ вдругъ впереди послышался выстрѣлъ. Государь остановился и, оборотясь, глядѣлъ на насъ. Изъ авангарда прискакалъ фланкеръ, подтвердивши, что впереди былъ слышенъ выстрѣлъ. Государь, простоявъ молча нѣсколько секундъ въ нерѣшимости, сказалъ: «Воротить конвой».

Полковой командиръ пустился во всѣ лопатки! Обратясь ко мнѣ, государь прибавилъ: «Кирпичевъ, приведи мнѣ свою полуроту!» Подъ полковникомъ былъ конь лихой, но манежный, не нашъ степной; я чухнулъ, обскакалъ товарища и догнавъ полкъ, пролетая мимо, закричалъ дивизіонному: «Воротитесь, государь въ опасности!» А настигнувъ артиллерію, которая шла напереди, гаркнулъ безъ

команды во весь голосъ: «Ребята! государь въ опасности! На лѣво кругомъ, маршъ–маршъ! подхватывай на лямки!»

Вотъ и загрохотали мои пушки и ящики, ровно здѣсь на ученьи, въ чистомъ полѣ, а казаки, подскакивая подъ орудія, захлестывали лямки и неслись во весь духъ. Такъ мы обогнали конныхъ егерей безъ оглядки, по сказочному: сталъ передо мной, какъ листъ передъ травой! И полурота моя неудержно пронеслась мимо царя, насилу справившись, чтобы остановиться. Я подскакалъ къ государю, онъ вынулъ часы и взглянувъ на меня, сказалъ: «Молодцы!» Потомъ подъѣхалъ къ полуротѣ, сказалъ спасибо, выслушалъ: «рады стараться», и увидавъ пыль изъ–подъ конныхъ егерей, опять вынулъ часы, выждалъ приближеніе дивизіона и сказалъ мнѣ: «Кирпичевъ, ты на семь минутъ опередилъ конныхъ егерей!»

Тревога оказалась пустою, но наши дикіе кони, какъ видите, свое сдѣлали!»

В. И. ДАЛЬ